

Великий учитель

Илья ГРУЗДЕВ

Знавшие Горького в его быту знали и его гигантскую работоспособность, и его изумительную, неисчерпаемую энергию. Но дело не только в том, что он умел и любил работать, что он отдавался своему труду с присущей ему страстностью; дело в том, что идея труда, воля к труду были основой его миропонимания. История мира в глазах Горького была историей раскрепощения творческого труда человека и историей побед человека над силами природы.

Творческой воле человека Горький не видел предела. «Человек — чудо, — писал он, — единственное чудо на земле, а все остальные чудеса его — результаты творчества его воли, разума, воображения». «Когда люди хотят жить хорошо, они этого добьются. Уменьше хотеть — великое уменьше: как все в человеке — оно воспитывается».

Художественной литературе Горький отводил великую и почетную роль возбудителя этого «уменьше хотеть», воспитания творческой воли и уверенности человека в своих силах, могучей уверенности его на путях непрерывных достижений, — вперед и — выше! Так понимал он всегда и свою миссию, как писателя, миссию активизатора творческой энергии в русском народе. «Вперед и — выше! — писал он мне в одном из последних писем. — Вы знаете, что это мое старое и, может быть, только это и есть у меня».

Простые слова, но для Горького в них была глубокая и исчерпывающая правда его миропонимания. И труд писателя, по его учению, должен был соответствовать правде непрерывного совершенствования.

«Хороший литератор сам себе никогда не нравится», — это не было случайной обмолвкой или парадоксом Горького, это было его убеждением. «Сомнение — для художника — прекрасное свойство, а вот самомнение — пагуба», — говорил он. Литератору, удрученному неудачей своей вещи, он писал:

«Позвольте сказать Вам вот что: лучший друг и учитель человека, живущего широкими интересами, вдохновляемого большими желаниями, именно — неудачи. Это я говорю совершенно серьезно, с полным убеждением. Поверьте, что в моих глазах вся двадцатилетняя работа моя в литературе — ряд неудач. Тут нет рисовки, нет и позы: это простое и ясное сознание факта. Я не написал ни одной вещи, которую сам мог бы прочитать не то что с чувством полного удовлетворения, но даже хотя бы просто с удовольствием. Это — трагедия всякого честного писателя...»

А одному из крупнейших советских писателей, книга которого имела большой успех, Горький писал:

«Мне очень радостно знать, что успех не оглушил Вас и чувство самокритики — не понизил. Самокритика и есть самая строгая критика, да и самая полезная. Смотрите на свою книгу, как на чужую, враждебно смотрите на нее, как на неудачную карикатуру того, чего Вы хотели, что желали сделать. Это несколько трудно, но это — необходимо».

Упорный, настойчивый, будничныи, иногда мучительный труд был, по мнению Горького, основой литературного дела, так же как и страстное отношение к труду. Страстное, потому что радость в работе, любовь к работе была другой стороной этого процесса создания литературного произведения, и о величайшей ценности и необходимости этого свойства всегда говорил Горький. «Нет сомнения, — с горечью пишет он одному из литераторов, — Вы даровитый человек, но — извините — плохой работник, — слишком торопитесь сделать и, видимо, не чувствуете наслаждения делать».

Горький так горячо был убежден в необходимости этого свойства всякой успешной работы, что ставил под сомнение самое понятие таланта. «В прирожденную талантливость я плохо верю. По-моему, есть только один талант: умение делать всякое дело с любовью к нему».

«Талант? — пишет он начинающему автору. — Это — любовь к своей работе, умение работать. Надобно отдавать всего себя, все свои силы избранному делу...

Подумайте: так же, как каждый из вас встает к новой жизни, хочет ее строить, — так же, постепенно, поднимаются к ней воли, воображения, мысли десятков миллионов людей».

«А рассказы пишите так, как будто читатель — интимнейший Ваш друг, Вы его любите, уважаете, сами же имеете рассказать ему... великие, только Вам известные, Вами впервые открытые тайны жизни».

О социальной ответственности советского писателя перед массами, поднимающимися к новой жизни, много и часто говорил Горький, и велик был его гнев, когда он встречался с непродуманной и безответственной работой. Тогда он так писал:

«Не буду перечислять глупости и пошлости, которыми заполнены почти все страницы Вашей книги, не только просто плохой, а — постыдно плохой. С чувством искренней горечи пишу все это. Как могут существовать в Союзе Советов литераторы такого типа, литераторы совершенно лишённые чувства уважения к читателям?.. Я пишу Вам грубо, но я через Вашу голову говорю всем таким сочинителям, как Вы: одумайтесь, учитесь работать честно. Вы должны понять, что в наших советских условиях плохая работа — бесчестная работа».

Когда Горькому один из его корреспондентов посоветовал не читать все выходящие книги художественной литературы, среди которых ведь много плохих, Горький ответил:

«Я — профессиональный читатель, влюбленный в литературу. Каждый раз, когда приходит новая книга, я открываю ее с глубочайшим волнением, напряженно ожидаю найти в ней что-то новое, радостное, талантливое».

Глубоко было у Горького чувство ответственности за свое мнение, когда дело касалось писательского труда. В одном из писем он сообщает, что не позволяет себе читать рукописей, если чувствует хотя бы легкое недоумение, опасаясь, что состояние его здоровья может отразиться на оценке и, может быть, судьбе рукописи.

И даже при резко отрицательной оценке он не забывал никогда отметить признаки таланта, если находил их.

«Рассказы Ваши, — писал он, — вызвали у меня такие мысли: как странно! Человек живет в государстве, где десятки миллионов людей, не щадя своих сил, создают новые формы жизни... человек живет в стране, где трудовая энергия творит чудеса... и — живя в такой стране, среди такого народа, человек не видит в ней ничего, кроме каких-то полудиотов, да и сам себя изображает тоже полудиотом».

...Историю культуры не дураки создавали, и у нас новую культуру не дураки строят, а Вас почему-то интересуют только дураки. Юмор — не для того, чтоб смеяться, а для того, чтоб высмеивать. Вы же, пока, не умеете ни того, ни другого. Но способности у Вас — есть, и ваша обязанность — всесторонне разрабатывать их.

Желаю Вам успеха в работе над собой, если Вы ее начнете».

«Повторю еще раз, — писал Горький в одной из статей, — никогда еще и нигде в мире не было читателя, который заслуживал бы такого глубокого внимания, уважения и любви, как наш, советский читатель». «Такого плотного, непосредственного единения читателя с писателем никогда, нигде не было, и в этом факте — трудность, которую мы должны преодолеть, но в этом факте наше счастье, которое мы еще не научились ценить».

Горький называл советскую эпоху эпохой сознания человеком самого себя, как силы, действительно и действительно изменяющей мир. Когда страна приступила к выполнению плана первой пятилетки, Горький приветствовал простых советских людей, радového строителя Советского государства восторженным приветом: «Товарищ! знай и верь, что ты — самый

необходимый человек на земле. Делая свое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир».

Перед лицом коллективной героической работы советских людей, воплощавших творческую волю эпохи, Горький требовал искоренения в писательском быту и труде пережитков мещанского индивидуализма, искоренения самомнения и самолюбования, всяческого обоготворения своего «я». «...Следует знать, — писал Горький, — что «я» — крайне хрупкий инструмент и очень быстро портится, фальшивит, если его не настраивать. Настраивается оно... тою широкой учебой, которая именуется приобретением разнообразных знаний о жизни, делает человека культурным». «Надо видеть себя в кругу своих героев и чувствовать себя не только их верным товарищем, но — немножко и учеником, ибо: каждый из нас — ученик множества людей».

«В общем же — дерзайте! — ободряет он начинающего писателя, разобрав его первые рукописи. — Но — учитесь! Это прежде всего и — навсегда, до смерти».

«Писателю невозможно быть энциклопедистом», — так ответил Горькому один из его корреспондентов.

«Если это Ваше крепкое убеждение, — пишет ему Горький, — бросьте писать, ибо убеждение это говорит, что Вы неспособны или не хотите учиться. Писатель должен знать как можно больше. А Вы пытаетесь выговорить себе право на безграмотность». И сурово отчитав автора, Горький в конце письма мягко убеждает:

«Мне думается, что Вы человек упрямый, волевой, и что у Вас заметны признаки таланта. Может быть, Вы попробуете учиться писать?.. Следовало бы».

В писательском труде Горький различал две стороны: собирание материала и наблюдений и реализация их на языке художественного произведения, или, как он выразился в одном письме: «Есть две учебы: либо драить и ланти плести». Горький учил точности и строгости языка. «Бажда мысль, — говорил он, — имеет определенное и необходимсе число слов. Если в колесо телеги вставить двадцать пять спиц, то это будет не колесо, а, скажем, ошибка».

Русский язык Горький считал гениальным созданием русского народа и в отношении к труду писателя выразил это убеждение свое в такой великолепной форме:

«Всегда, неутомимо точите ваше оружие, изучайте неисчерпаемо богатый, мягкий, прекрасный язык народа! Он может дать вам силы для выражения чувств и мыслей, доступных гению».

Известно, с каким вниманием, с каким волнением следил Горький за движением советской литературы, за достижениями советских писателей. Материал для создания великой советской литературы, говорил Горький, это — материал победы, небывалый в истории человечества, победы социализма на шестой части нашей планеты. Это — история трагической борьбы правды за свое утверждение в мире, за великое счастье раскрепощенного человека жить на свободной земле.

«Вы спрашиваете, как писать? — отвечал Горький одному из своих корреспондентов-литераторов. — Пишите так, как будто Вы — свидетель на вековом суде правды с кривдой, а судья — Ваш лучший друг, в справедливость его Вы безусловно верите и скрывать от него ничего не хотите, даже — не можете».

И в своих художественных произведениях, и в статьях, и в письмах Горький горячо и много пропагандировал веру в народ, в его неисчерпаемую силу и волю. Один из героев его рассказа говорит: «Что исходит из народа, из его великих трудов и мучений — это уж непобедимо! Навсегда! Это — дойдет до конца...»

Прекрасны слова Горького о непобедимости народного дела. И на путях новой сталинской пятилетки уместно вспомнить заветы Горького советской литературе о необходимости смотреть на настоящее с высоты великих целей будущего.